

Воспоминания

Э. Д. МАНЕВИЧ

ТАКИЕ БЫЛИ ВРЕМЕНА

Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу.

А. Твардовский

Даты. Есть юбилейные, есть скорбные, есть прискорбные. Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. Не так уж давно для одних это была юбилейная дата, для других — скорбная. В настоящее время она попала в разряд прискорбных дат и некоторые считают, что вспоминать о ней не следует. Ведь все встало на свои места, истинная наука восторжествовала. Слово «ген» из запретного превратилось в весьма уважаемое, даже модное слово. Так, может быть, забыть? Не предаваться воспоминаниям? Но почему-то они не отступают. Надеялся, историки науки не раз вернутся к этому периоду. Будет дан анализ причин, породивших его. И тут воспоминания современников, живых свидетелей тех событий, людей, на чьей судьбе эти события в той или иной мере отразились, могут оказаться полезными.

Августовская сессия 1948 г. явилась финалом. Ей предшествовали две крупные баталии — дискуссии 1936 и 1939 гг., а между ними — сражения меньшего масштаба, так сказать, бои местного значения. Мне довелось присутствовать на этих дискуссиях и на многих промежуточных диспутах, а затем в полной мере ощутить последствия разгрома, учиненного после сессии 1948 г. Обо всем этом и хотелось бы рассказать.

Дискуссия 1936 года

В 1936 г. мне исполнился 21 год. Летом того года я окончила Московский государственный педагогический институт (МГПИ) и была оставлена в аспирантуре при кафедре эзологии, которой заведовал ученик Н. К. Кольцова проф. В. Ф. Натали. Курс генетики читал Натали, а практические занятия вели очень увлеченная, молодая, миловидная женщина Вера Вениаминовна Хвостова — моя любимая учительница, мой идеал. (Через много лет она станет профессором Новосибирского университета.) Педагогическую работу в МГПИ она совмещала с исследовательской в Кольцовском институте (Институт экспериментальной биологии). Под ее влиянием, будучи еще студенткой 3-го курса, я стала посещать коллоквиумы в этом институте. На коллоквиумах всегда председательствовал Николай Константинович Кольцов. Прядь седых волос, спадающая на высокий лоб, проницательный взгляд умных глаз из-под густых бровей, моржеподобные усы. Он был основателем, центром, душой института. Он жил институтом и жил в институте: это был его дом в прямом и переносном смысле слова. В институте царил особый дух. Туда можно было просто прийти, свободно посещать все научные семинары, пользоваться библиотекой, состоявшей по большей части из книг и периодических изданий, принадлежавших самому Николаю Константиновичу. Связь нашей кафедры с Кользовским институтом была тесной еще и потому, что ученик Н. К. Кольцова Владимир Владимирович Сахаров руководил работой четырех аспирантов, темой диссертаций которых был химический мутагенез. В скромом времени я ощутила себя как бы членом коллектива Кользовского института, старалась не пропустить ни одного коллоквиума, и эта связь сохранилась до самого закрытия института в 1948 г. О духе Кользовского института очень хорошо сказано в научной биографии «Николай Константинович Кольцов» (М., 1975), написанной его учениками акад. Б. Л. Астауровым и акад. П. Ф. Рокицким, которых я хорошо знала, а с акад. П. Ф. Рокицким мне впоследствии довелось работать в течение нескольких лет.

Все, что касалось генетики, меня, естественно, кровно интересовало. Поэтому я так обрадовалась, когда стало известно, что на IV сессии ВАСХНИЛ будут выступать ведущие генетики страны и развернется дискуссия с Лысенко, о котором мы очень мало знали, так как ни в курсе генетики, ни в курсе физиологии растений (стадийность развития растений, якобы

открытая Лысенко, собственно говоря, относится к физиологии растений), которые нам читали в вузе, ничего о нем не говорилось. Правда, на страницах газет его работы преподносились в сенсационном духе, а в некоторых периодических изданиях, таких как «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» и «Яровизация», печатались полемические статьи, но все это было далеко от настоящей науки, никаких достоверных материалов в них не содержалось, поэтому ни студентам, ни аспирантам изучать было нечего. «Фундаментальный» труд Лысенко «Агробиология», который после 1948 г. в силу печальных обстоятельств станет «настольной книгой» профессоров и преподавателей, читавших лекции по всем без исключения биологическим наукам не только в университетах, сельскохозяйственных и педагогических институтах, но даже в медицинских, еще не появился в печати. Тем более был велик интерес к дискуссии: хотелось посмотреть на новоявленного пророка и послушать его.

IV сессия ВАСХНИЛ состоялась 19—27 декабря в клубе Наркомзема (ныне Министерства земледелия) в Орликовом переулке, почти напротив моего дома на Садовой Спасской, где я в то время жила. Работа сессии делилась как бы на две части. Были заслушаны сообщения селекционеров и практиков, а затем развернулась дискуссия по докладам Н. И. Вавилова, А. С. Серебровского, Т. Д. Лысенко и Г. Г. Мёллера. Селекционеры приводили данные о выведении новых сортов сельскохозяйственных растений и пород животных методами отбора (индивидуального, семейного, массового), методами классической генетики (гибридизации, в частности, межвидовой гибридизации). Из 72 выступивших ни один не вывел свои сорта или породы с помощью рекламируемых Лысенко методов.

Выступления Николая Ивановича Вавилова я слушала еще до сессии. О его обаянии писали все близко знавшие его и работавшие с ним люди. К сожалению, интерес к его личности возобновился лишь много лет спустя после гибели в саратовской тюрьме в 1943 г. Впервые в 1963 г. был опубликован небольшой сборник «Рядом с Вавиловым», включивший 25 очерков его учеников и сотрудников. И в каждом очерке отмечается именно обаяние Николая Ивановича. К настоящему времени о Н. И. Вавилове написано много, особенно возросло количество публикаций в связи со столетием со дня его рождения, которое по решению ЮНЕСКО отмечалось во всем мире. Мне неловко повторять то, что уже много раз было сказано и пересказано. Но что ж поделать, ведь я его видела и слышала. И теперь, через более чем 50 лет, я закрываю глаза и вижу его крупную фигуру, прекрасное лицо, умный взгляд, улыбку.

В своем докладе на сессии Николай Иванович говорил о путях развития советской селекции, о создании мировой коллекции растений, об исследовании ресурсов сортов растений. Он ясно изложил суть разногласий с Т. Д. Лысенко. Все свои высказывания подкрепляя огромным фактическим материалом. Он четко обозначил задачи, стоящие перед советской селекцией, и наметил пути их решения. В моей голове не укладывалось, как можно было все это отрицать.

Выступление Александра Сергеевича Серебровского также глубоко врезалось в память. Надо сказать, что мое отношение к А. С. Серебровскому было особым. Я считала себя несостоявшейся его ученицей и вот почему. Поступала я в МГПИ, причем на педагогический факультет, вполне сознательно. В 17 лет мне хотелось стать исследователем в области педагогики, так сказать, научиться учить других, таким образом сеять разумное, доброе, вечное. Но очень скоро я поняла, что ошиблась в выборе. Единственным предметом, которым я увлекалась на первом курсе, была общая биология. Этот предмет читала очень живо доцент Казимира Владиславовна Магржиковская, один из авторов учебника «Общая биология» под редакцией В. Ф. Натали, по которому мы учились. По ее совету и при ее содействии я перевелась на естественный факультет. Но вскоре убедилась, что меня интересует биология как наука, а не преподавание этой дисциплины в школе. Для этого следовало поступать на биофак МГУ. И я отправилась в деканат биофака и в дирекцию МГУ, чтобы узнать, возможен ли мой перевод из МГПИ. Надо сказать, что в то время не было безумных конкурсов при поступлении в вуз. В такие учебные заведения, как университеты, педагогические и медицинские институты, было 1—2 абитуриента на место, а то и меньше. Большой популярностью пользовались технические вузы: в период индустриализации страна нуждалась в инженерах. С зачетами у меня было все в порядке. Ответ в МГУ был вполне положительный. Окрыленная, я помчалась в институт, чтобы поделиться своей радостью и получить соответствующее «добро». Заместитель директора по фамилии Димант (имени и отчества не помню) обрушил на меня весь свой гнев. Он обрисовал всю чудовищность и «антигосударственность» моего поведения: то я перевожусь с одного факультета на другой, то вовсе меняю вуз. Он заявил, что при малейшей попытке осуществить перевод мне будет выдана такая характеристика, что я не смогу поступить ни в одно высшее учебное заведение в течение 5 лет. Этот приговор на пятилетний срок меня окончательно сразил. Вместо того чтобы обратиться в Наркомпрос и добиться своего, я покорилась. Биофак МГУ, кафедра генетики, возглавляемая А. С. Серебровским, остались моей неосуществленной мечтой. Впоследствии я посещала конференции, семинары, слушала докла-

ды в Большой зоологической аудитории МГУ и на кафедре генетики, где выступал Александр Сергеевич, и завидовала тем, кто у него учился.

А. А. Серебровский был высокоодаренным человеком. Он в своих исследованиях на много лет опередил свое время и поэтому, как всякому неординарно мыслящему ученому, ему постоянно приклеивали ярлыки, причисляя то к «меньшевистующим идеалистам», то к «автогенетикам» и бог знает к кому еще. Критиковать «ошибки» Серебровского считали нужным и некоторые его ученики. Ну, а уж о философах и говорить нечего. Ведь в разное время они клеймили и теорию относительности Эйнштейна, и теорию резонанса в органической химии, и кибернетику как идеализм и поповщину. Задолго до создания Уотсоном и Криком модели пространственной структуры ДНК Серебровский выдвинул свою теорию гена, согласно которой ген имеет линейную протяженность и делим. Он чисто генетическими методами определил размеры некоторых генов у дрозофилы. Как показали дальнейшие исследования много лет спустя, его расчеты вполне укладывались в пределы колебания размеров генов у дрозофилы, определенных по количеству ДНК в различных частях хромосом. Кстати сказать, в этих гениальных предвидениях Серебровский исходил из теории присутствия — отсутствия, выдвинутой Бэгсоном в 1905 г. на заре развития генетики. Согласно этой теории, домinantный признак определяется присутствием определенного гена, а рецессивный — выпадением, отсутствием этого гена. За приверженность к этой теории и причисляли Серебровского к «меньшевистующим идеалистам». Конечно, в настоящее время эта теория не выдерживает критики, но она послужила отправным пунктом для такого ученого, каким бы Серебровский, и дала возможность ему создать теорию строения и эволюции гена, которая не утратила своего значения и по сей день. Но Серебровский не был только теоретиком. Он разработал генетические основы селекции сельскохозяйственных животных. Он и его ученики непосредственно занимались генетикой кур, овец и пушных зверей. Его исследования по геногеографии, в частности по распределению и концентрации определенных генов в популяциях кур в различных районах Советского Союза во многом перекликаются с работами Н. И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений. И, наконец, Серебровский разработал теоретические основы борьбы с вредителями сельского хозяйства. Эти исследования были начаты в 1939—1940 гг. Их суть заключалась в том, чтобы выпустить в популяцию особи, несущие различные хромосомные аномалии, и тем самым вызвать бесплодие, нарушение функции размножения у вредителей. В 1940 г. в «Зоологическом журнале» (т. 19, вып. 4) появилась статья Серебровского под названием «О новом возможном методе борьбы с вредными насекомыми». Ничего кроме резкой критики эта статья не вызвала. Но вот в 50—60-х гг. за границей, главным образом в США, стали появляться сообщения об успешном применении биологического метода борьбы с мухой *Chocliomyia hominivorax*, паразитирующей на сельскохозяйственных животных, а также с вредителями возделываемых растений (хлопчатника и др.), причем имя автора, впервые предложившего этот метод, не упоминалось. Однако в 1969 г. в одном из сборников, посвященных этому вопросу, был опубликован перевод статьи Серебровского, вышедшей в свет в 1940 г., и его приоритет был восстановлен. Конечно, восстановление справедливости всегда отрадно, но ведь приоритет применения этого метода мог бы принадлежать нашей стране!

Но вернемся к сессии 1936 г. Я недавно перечитала доклад Александра Сергеевича на этой сессии, опубликованный в сборнике «Спорные вопросы генетики и селекции» (М., 1937), и нашла его удивительно глубоким и современным. Так же как и Н. И. Вавилов для растениеводства, Серебровский изложил задачи, стоящие перед животноводством в Советском Союзе, и наметил пути их решения. Все, что он говорил тогда, сегодня звучит очень правильно, но в тот период его выступление вызвало наибольшее число нападок со всех сторон.

Затем выступил Лысенко. Худой, среднего роста, с изможденным лицом, глубоко сидящими маленькими серыми глазами, подозрительно взирающими на аудиторию, с лоснящимися волосами мышного цвета, зачесанными набок и вперед, в плохо сидящем на нем костюме, при галстуке, слегка сдвинутом в сторону, он производил странное впечатление. Говорил хриплым голосом*. Речь его звучала очень горячо и взволновано. Но при этом он высказывал такие мысли, от которых волосы вставали дыбом. Лысенко в то время возглавлял Одесский селекционно-генетический институт, он еще не был президентом ВАСХНИЛ, он еще не был на вершине, он только подбирался к ней. По этой причине и не решался непочтительно относиться к Вавилову. Лысенко начал свое выступление словами: «Всесоюзный институт растениеводства, возглавляемый и фактически созданный... акад. Н. И. Вавиловым, заслуженно пользуется мировой славой... Для селекционеров, для людей, стремящихся преобразовать расти-

* В. Амлинский в повести «Оправдан будет каждый час» (Юность. 1986. № 10) о своей случайной встрече с Т. Д. Лысенко пишет, что у него был «молодой звонкий голос». Это любопытно, неужели на старости лет у Лысенко голос зазвенел?

тельный мир, этот коллекционный материал является кладом». Это выступление тем более знаменательно, потому что впоследствии Лысенко и его сторонники будут всячески умалять заслуги Н. И. Вавилова, обвинять его в том, что он растративал государственные средства на собирание никому не нужных коллекций. Но это было лишь благопристойное начало. Дальше шла демагогия о том, что его, Лысенко, и И. И. Презента к пересмотру генетических позиций привела проблема повышения качества посевного материала. Путь к этому он видел во внутрисортовом скрещивании растений-само опылителей. Несмотря на то, что никаких опытов, во всяком случае достаточно убедительных и неоднократно проверенных, в этом направлении не проводилось, метод внутрисортового скрещивания был сразу применен на колхозных полях. Лысенко рапортовал, что массовые проверочные испытания уже проведены в 2000 колхозах в различных районах СССР. Уже 10 тысяч колхозников обучены кастрировать растения, и в 1937 г. ожидается, что с помощью внутрисортового скрещивания будет увеличена зимостойкость пшеницы. Этот прием предполагалось сочетать с «воспитанием» растений при все более низких температурах. Обращаясь к акад. А. И. Муралову, тогдашнему президенту ВАСХНИЛ, Лысенко потребовал, чтобы сельскохозяйственная академия приняла меры к обеспечению колхозников достаточным количеством пинцетов для кастрации растений-само опылителей. Он нападал на своих противников (Дончо Костова, ученого из Болгарии, работавшего в Институте генетики по приглашению Н. И. Вавилова; академиков П. Н. Константинова, П. И. Лисицына, М. И. Завадовского), выступивших на страницах журнала «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» с критическими статьями в адрес Лысенко. Он обвинил их в подтасовке фактов. Он говорил, что «выступает страстно, но беспристрастно», а его противники — наоборот. Создавалось впечатление, что Лысенко искренне верит в правоту своего дела. Совершенно другое впечатление производил И. И. Презент. Этот маленький чернявый человечек с мордочкой хорька был прекрасно натренирован в «цитатологии», ему ничего не стоило доказать, что черное есть белое, а белое — черное. Недаром в те времена некоторые наивные генетики и не столь наивные философы называли Презента «злым гением» Лысенко и считали, что стоит Лысенко освободиться от Презента, как он все поймет и просветится. Удивительно, как можно было не понимать того, что союз Лысенко — Презент — это одновременно и «брак по любви» и «брак по расчету», ибо невежественный, но не лишенный таланта Лысенко, по своему собственному признанию недочитавшийDarvina (вернее, никогда его не читавший, а с работами других исследователей даже в своей собственной области — стадийном развитии растений — и вовсе не знакомый), никогда не смог бы громить своих противников без Презента, который с легкостью необыкновенной откапывал подходящие для данного случая цитаты и был способен вымазать дегтем самого кристально чистого ученого. В свою очередь, мог бы обществовед Презент стать доктором биологических наук и академиком ВАСХНИЛ без Лысенко? Я впервые увидела и услышала Презента на IV сессии ВАСХНИЛ в 1936 г. и до сих пор от одного его имени меня трясет.

Наибольший восторг у моей учительницы Веры Вениаминовны Хвостовой, а следовательно, у меня, вызвало выступление Н. П. Дубинина. Оно было эмоциональным, полемичным. Дубинин разил Презента — Лысенко их же собственным оружием. Так, он запальчиво заявил, что Презент и ему подобные «хотят великой науке надеть дурацкий колпак». Он, как говорят англичане, «перевернул столы» и обвинил лысенковцев в вейсманизме за их «теорию» оплодотворения, согласно которой лучшая яйцеклетка выбирает лучший сперматозоид. Мы хлопали ему до боли в руках и были готовы кричать «ура!».

Последним с докладом выступил Г. Мэллер. Это был живой классик, вошедший в вузовские учебники. Его блестящие исследования по вызыванию мутаций с помощью рентгеновских лучей принесли ему мировую славу, а впоследствии — звание лауреата Нобелевской премии. Мэллер впервые посетил Советскую Россию в 1922 г. и был поражен высоким уровнем науки в стране, еще не оправившейся от гражданской войны, в стране, истерзанной войнами, голодом, неурожаем. Он стал большим другом нашей страны и в 1922 г. по приглашению Н. И. Вавилова начал работать в Институте генетики АН СССР. Внешне Мэллер меньше походил на американца, чем Н. И. Вавилов или А. С. Серебровский, которые по своей стати больше соответствовали нашему представлению об американцах. Он был небольшого роста с яйцеобразной головой, высокий лоб уходил в лысину. Быстрый взгляд его карих глаз как бы все моментально охватывал и оценивал. К сожалению, его доклад был зачитан, если не ошибаюсь, Н. К. Кольцовым, так как Мэллер недостаточно хорошо владел русским языком, чтобы самому это сделать. К тому же он выступал последним, а аудитория уже устала. Это в значительной мере снизило впечатление от его доклада. Однако мне хорошо запомнилась удивительная четкость и ясность формулировок. Меня особенно поразило его понимание категорий диалектического материализма. Для того чтобы проверить правильность моих тогдашних впечатлений, я перечитала его выступление и заключительное слово, опублико-

ванные в вышеупомянутом сборнике «Спорные вопросы...» и снова поразилась стройности изложения и удивительной современности мыслей, высказанных им более 50 лет назад. Не могу согласиться с Н. П. Дубининым, который в своей автобиографии «Вечное движение» (М., 1973) так охарактеризовал трех главных докладчиков: «Итак, доклады Н. И. Вавилова, А. С. Серебровского и Г. Г. Мёллера на дискуссии не содержали новых идей ни в теории, ни в практике, не указывали путей прямого, быстрого внедрения науки в производство. Выступления этих лидеров опирались на прошлое генетики». Напротив, все три докладчика указали, что может дать генетика производству. Быстро они действительно не обещали. Быстро обещал Лысенко.

В начале 1937 г. в составе интернациональной бригады Мёллер уехал в Испанию, где организовал службу по переливанию крови. Там он оставался до конца гражданской войны. В 1948 г. Мёллер, избранный ранее почетным членом Академии наук СССР, объявил о своем выходе из состава АН СССР в знак протеста против преследований советских генетиков, последовавших после августовской сессии ВАСХНИЛ.

Оценивая результаты IV сессии ВАСХНИЛ 1936 г., можно сказать, что счет был явно в пользу классической генетики. Подытоживая дискуссию, президент ВАСХНИЛ акад. Муралов призвал всех работать на благо советской науки. Никаких упреков сторонникам генетики сделано не было. В конце заседания было зачитано письмо акад. Вильямса, отсутствовавшего на сессии из-за болезни, в котором он выразил горячую поддержку Лысенко, хотя сам к генетике никакого отношения не имел. Но водораздел был четко обозначен. У некоторых выступавших, ранее стоявших на позициях классической генетики, появились оговорки, попытки увидеть «рациональное зерно» в положениях Лысенко. Уже на этой дискуссии «брат пошел на брата»: Михаил Михайлович Завадовский и Борис Михайлович Завадовский заняли диаметрально противоположные позиции. Старший брат — Михаил Михайлович — твердо стоял на позициях классической генетики, младший — Борис Михайлович — произнес пространную речь, в которой выразил свое восхищение Лысенко, поставившим, по его мнению, «кардинальные» вопросы. Итак, союз Лысенко—Презент набирал силу. Но той картины, которую рисует М. Поповский в своей смахивающей на детектив повести «Тысяча дней академика Вавилова» (Простор. 1966. №№ 7—8), не было. Нельзя небрежно относиться к фактам, к действительно имевшим место событиям, к датам. Малейшая недостоверность ставит под сомнение остальное. Вот как описывает Поповский последовавшие после сессии события: «... через 1/2 года после декабрьской сессии ВАСХНИЛ на II съезде колхозников-ударников во время его [Лысенко] речи Сталин воскликнул: Браво, тов. Лысенко!». Сталин действительно так воскликнул, когда Лысенко говорил о классовой борьбе на фронте яровизации, но II съезд колхозников-ударников состоялся в феврале 1935 г., т. е. за 1 год и 10 месяцев до сессии ВАСХНИЛ! Речь Лысенко была опубликована в центральной печати 15 февраля 1935 г. Далее у Поповского: «Скоропостижно скончался Н. К. Кольцов...». Кольцов действительно скоропостижно скончался, но это случилось в начале декабря 1940 г., а не вскоре после сессии ВАСХНИЛ 1936 г. Затем мы читаем: «Едва был наложен запрет на международный конгресс генетиков, как Лысенко в декабре 1939 года (!) собрал собственный конгресс — IV сессию ВАСХНИЛ» (№ 8, с. 106). Здесь что ни слово, то путаница. Запрет на VII Международный генетический конгресс никто не налагал. Известно, что в соответствии с предложением, сделанным советским правительством, VII Международный генетический конгресс должен был состояться в Москве в августе 1937 г. В оргкомитет входили академики Вавилов и Комаров. Однако за три месяца до предполагаемого срока советский оргкомитет был вынужден направить президенту Международной генетической ассоциации письмо, в котором сообщалось о переносе срока на август 1938 г. Это было равносильно отказу от проведения конгресса в Советском Союзе, так как заранее подготовленные для конгресса материалы утрачивали свою актуальность.* Никакого «собственного конгресса» в декабре 1936 г. Лысенко не созывал, ибо, как уже говорилось, IV сессия ВАСХНИЛ состоялась в декабре 1936 г., а 7—14 октября 1939 г. произошло второе главное сражение — дискуссия по проблемам генетики и селекции, созданная редакцией журнала «Под знаменем марксизма».

В период между этими двумя событиями общественное положение Лысенко и его сторонников упрочилось. Лысенко стал президентом ВАСХНИЛ, сменив на этом посту ре-прессырованных акад. Муралова и акад. Мейстера. Однако его научное положение становилось все более шатким. Прием яровизации, как этого и следовало ожидать, не оправдал себя; за неудачу его широкого внедрения в практику винили «вредителей», «врагов народа», «кулаков от науки». Обещанный новый сорт зимостойкой пшеницы, который должен был быть создан путем внутрисортового скрещивания за два с половиной года, так и не появился. Зато на страницах журнала «Яровизация», главным редактором которого был Лысенко,

* Конгресс состоялся в Эдинбурге в августе 1939 г. Н. И. Вавилов единогласно был избран президентом, но в Эдинбург его не пустили

одна за другой публиковались статьи, порочившие Кольцова, Вавилова и Серебровского. Кольцов был освобожден от должности директора Института экспериментальной биологии, к тому времени перешедшего из ведения Наркомздрава в систему АН СССР. Ему ставились в вину его евгенические концепции почти двадцатилетней давности, которые «выкапывали» сторонники Лысенко и преподносили на страницах широкой печати в таком искаженном виде, что Кольцова следовало не только отстранить от руководства институтом, но чуть ли не предать суду.* Сотрудники Кольцова, желая спасти его, убеждали Николая Константиновича отречься от своих евгенических «ошибок». Но Кольцов считал ниже своего достоинства отказываться от чего бы то ни было ради личной выгоды. Вот как об этом пишут Б. Л. Астауров и П. Ф. Рокицкий в своей книге «Николай Константинович Кольцов»: «Он не склонял голову ни перед какими жизненными коллизиями, не шел на компромисс со своей совестью гражданина и учёного, чем бы это ему ни грозило. Уже на склоне лет своей жизни Кольцов, не колеблясь, выбрал путь борьбы против фальши и обскурантизма и, пожертвовав постом руководителя института, которому отдал 22 года жизни, ушел...» Об этом очень хорошо сказал в книге о Николае Константиновиче «Пророк в своем отечестве» (М., 1969) В. Полынин: «...неправы те, кто говорит, что Кольцов в своих пророчествах часто ошибался. Не ошибается и тот, кто повторяет зады. Но не ошибается и тот, кто идет впереди всех, оступаясь в запорошенные неизвестностью рыхвины, тем более когда такой вожатый сам знает, что пролагаемый им путь будетправлен ведомыми».

Однако несмотря на все нападки на классическую генетику и ее лидеров, наука продолжала развиваться не по пути, намеченному Лысенко. Кафедру генетики в МГУ возглавлял А. С. Серебровский, Институтом генетики АН СССР руководил Н. И. Вавилов, курс генетики в Тимирязевской академии читал А. Р. Жебрак, в МГПИ — В. Ф. Натали, в Воронежском университете — Н. П. Дубинин. В Кольцовском институте (правда, уже не Кользовском, а в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР) проводились работы по популяционной генетике с дрозофилой, по химическому мутагенезу, по полиплоидии у растений, по искусциальному андрогенезу у тутового шелкопряда. Успешно защищались диссертации по химическому мутагенезу, по другим сугубо «формально-генетическим» темам. Со страниц печати — брань, в высших учебных заведениях — учебники Синнота и Денна, Рокицкого, Гришко и Делоне, в лабораториях — дальнейшее развитие теоретической и экспериментальной генетики. Казалось, что надо, наконец, поставить все точки над i, покарать зло и вознаградить добродетель. Поэтому немало надежд было связано с дискуссией, организованной редакцией журнала «Под знаменем марксизма». В то время я заканчивала работу над диссертацией, пропадала целыми днями в Ленинке, а дискуссия проходила рядом, в Институте философии на Волхонке, так что можно было посещать все заседания.

Дискуссия 1939 года

Мы серьезнейшим образом обсуждали любые аргументы и оправдания побудительных мотивов противника, пытались понять его доводы, проверить их искренность, уличить его в противоречиях. Мы пользовались словами там, где слова были бесполезны.

Антуан де Сент-Экзюпери «Военные записки»

Дискуссия состоялась 7—14 октября 1939 г. в конференц-зале Института философии. В отличие от дискуссии 1936 г. здесь не было «программных докладов», сначала не было и регламента; его установили ближе к концу — 20 минут. Выступавшие говорили горячо, не по записям; из зала и из президиума то и дело подавали реплики, задавали вопросы, даже учиняли допрос. Докладчиков можно было разделить на четыре категории: твердо стоявшие на позициях классической генетики; сторонники Лысенко; лица, занимающие «третью линию»; философы. По существу, позиции сторонников «третьей линии» и философов мало чем отличались, но для генетиков точка зрения последних имела принципиальное значение. Ведь

* В газете «Правда» от 11 января 1939 г. в связи с предстоящими выборами действительных членов и членов-корреспондентов АН СССР появилась статья под заглавием «Лжеученым не место в Академии наук» за подписью академиков А. И. Баха и Б. А. Келлера, профессора Х. С. Коштоянца и пяти кандидатов наук, включая Н. Нуждина. Статья подверглась резкой критике крупнейшего географа и биолога Л. С. Берга, чья кандидатура выдвигалась в члены-корреспонденты, и Н. К. Кольцова, выдвигавшегося в действительные члены АН. Николая Константиновича громили за его евгенические высказывания, причем основной удар был направлен именно на него. Подходящие цитаты, выхваченные из его статей, сопоставляли с расистскими высказываниями Ф. Ленца, проповедовавшего «расовую гигиену».

они «по долгу службы» должны были правильно разбираться в категориях диалектического материализма. Казалось, от того, что скажут философы, будет зависеть очень многое, в том числе и дальнейшее развитие науки. Дискуссия походила на грандиозный футбольный матч, где в роли судей выступали философы. И крайне обидно было, когда судьи не засчитывали голы, забитые «формальными» генетиками. Из корифеев выступали Н. И. Вавилов и А. С. Серебровский*. Н. И. Вавилов в своем докладе рассказал о применении достижений генетики в практике сельского хозяйства в нашей стране и за рубежом. Он отметил, что советские ученые в области генетики и селекции за короткий срок достигли огромных успехов, и им, как правило, на последних трех (до 1939 г.) генетических конгрессах поручали ведущие доклады. Он отстаивал правильность и большое практическое значение теории гомологических рядов в наследственной изменчивости, основанной на огромном фактическом материале. Странное дело, почему-то в этом законе, тысячу раз проверенном и перепроверенном на различных видах культурных растений и их ближайших родичах, многие ученые, занимающие «третью линию», и, естественно, философы, усматривали отступление от дарвиновского положения о дивергенции признаков, одним словом — идеализм. Это уже позже, спустя десятилетия, теории гомологических рядов Вавилова воздавалось должное** Но для этого потребовалось более четверти века. А в 1939 г. люди, считавшие себя материалистами, объявили объективно существующую закономерность идеализмом!

Но вернемся к выступлению Николая Ивановича на дискуссии. В заключение он сказал: «...последнее, что я считаю своим долгом подчеркнуть как научный работник Советской страны — это необходимость внедрения в селекционную практику лишь проверенных и точно апробированных научными опытами, вполне доказательных результатов».

Александр Сергеевич Серебровский, как всегда твердо отстаивающий положения «формальной» генетики, в частности, упрекнул «философа» и «математика» Кольмана в том, что тот в своей статье «Извращение математики на службе менделизма» пытался доказать неспособность математики установить точные отношения, отражающие биологические закономерности. Далее он говорил о возможности применения биологических методов для борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур, и более конкретно — о значении генетических методов в этом деле. Он с грустью отметил, что его работа по выведению нелетающей зерновой моли была высмеяна в центральной печати. Выступление Серебровского неоднократно прерывалось репликами и вопросами то философов, то представителей «третьей линии». Ему даже учинил допрос философ П. Ф. Юдин.

Один за другим выступали генетики: Алиханян, Карпинский, Малиновский. Они приводили данные своих работ, имеющие большое хозяйственное значение и подтверждающие основные положения классической генетики. Выступали цитологи Левитский, Насонов и др., показавшие, что данные цитологии подтверждают генетические закономерности. Селекционеры Асеева и Розанова рассказали, как они вывели новые сорта картофеля (Асеева) и ягодных культур (Розанова), применяя законы Менделя. Все эти выступления казались мне неопровергнутым доказательством правильности положений классической генетики.

Выступление Лысенко произвело воистину неизгладимое впечатление. Хриплый голос, страстная обличительная речь, изможденный вид. Настоящий Савонарова! Он начал с того, что партия и правительство поставили задачу вывести через 2—3 года морозоустойчивый сорт озимой ржи для открытой степной зоны, а через 3—5 лет — высокоурожайный сорт озимой пшеницы, приспособленной к суровым условиям Сибири. Это — его, Лысенко, задача. Но на его пути «стоит», ему в этом деле «мешает» хромосомная теория наследственности. Он объявил, что учение Менделя и Моргана иначе как ложным не назовешь. Митин мягко заметил: «Но знать

* Н. К. Кольцов участия в дискуссии не принимал. Он тяжело переживал отстранение от должности директора основанного им института.

** Так, например, в предисловии к книге «Закон гомологических рядов» (М., 1967), написанном от имени Отделения общей биологии АН СССР сказано: «Значение закона гомологических рядов в наследственной изменчивости для биолога едва ли можно переоценить. Названный закон отражает объективно существующие в природе закономерности живых организмов, выраженные ... в сходстве циклов изменчивости особей филогенетически близких между собой видов, родов и даже семейств. Таким образом, зная хорошо ряды изменчивости одного вида, сравнительно нетрудно разобраться в подобной же изменчивости у родственно близкого вида и даже предвидеть существование таких форм... Последнее обстоятельство и позволило некоторым исследователям сравнить закон гомологических рядов в наследственной изменчивости Н. И. Вавилова с периодической системой элементов Д. И. Менделеева».

хромосомы неплохо». Лысенко нервно выкрикнул: «Когда я говорил или писал, что не нужно изучать оболочку клетки или хромосомы?» И далее он заявил, что «любые наследственные свойства можно передать из одной породы в другую без непосредственной передачи хромосом». Он также утверждал, что, исходя из философии диалектического материализма, он может без единого эксперимента объявить законы Менделя неверными. Хотя Лысенко так категорически отрицал необходимость проверки законов Менделя, все же такая проверка была проведена его сотрудницей Н. И. Ермолаевой, а результаты ее опытов по расщеплению признаков у гороха опубликованы в журнале «Яровизация» (1938, № 1—2). Ермолаева сделала вывод: опыты не подтверждают формулы расщепления 3 : 1. Так вот, на дискуссии выступил акад. А. Н. Колмогоров, известный математик, основатель школы по теории вероятности, и показал, что Ермолаева, желавшая доказать несостоятельность законов Менделя, на самом деле их блестяще подтвердила.

С зажигательной речью на совещании выступил Н. П. Дубинин. Он был Лысенко и его сторонников их же собственным оружием. Говорил горячо, цитировал Тимирязева, Мичурина, разобрал речь Лысенко по косточкам и не оставил камня на камне от его аргументации. Как и в 1936 г. выступление Дубинина вызвало у меня восторг. Как можно не верить в торжество разума и справедливости? Ведь все было так ясно, логично, неопровергимо. Мы ни на минуту не сомневались, что судьи правильно оценят позиции, воздадут должное генетикам, осудят весь тот средневековый бред, который Лысенко — Презент окрестили «передовой мичуринской биологией».

Сторонники Лысенко делились на две категории. К первой относились люди малообразованные, которые не умели тщательно ставить опыты с достоверным контролем, не были знакомы с математическими методами обработки экспериментальных данных, не имели ни малейшего представления о том, как сложно оценить наследуемость физиологических признаков. Для них лысенковские установки были решением всех проблем. Об этом очень хорошо сказал Н. И. Вавилов в своем выступлении: «В самом деле, товарищи, разве не заманчиво вместо того, чтобы иметь дело с расщеплением, с поколениями, вести длительные подсчеты и наблюдения, избрать более легкий путь? Куда проще: привил просто, скажем, неустойчивый сорт на устойчивый вид и даже на другой устойчивый род, и давайте развивать привой, на который должен действовать подвой соответствующим образом». Однако это были ловкие ребята. При всей убогости своего научного мышления они прекрасно знали, с какой стороны хлеб маслом намазан. Впоследствии многие из них достигли высоких постов: становились академиками, министрами, даже президентами отраслевых академий наук. Вторую категорию составляли люди более страшные в нравственном отношении: искушенные, понимавшие что к чему и поставившие беспрогрызную карту на фаворита. К этой категории, в частности, относился акад. Келлер, известный ботаник, автор учебника «Генетика. Краткий очерк» (М., 1933). Вот что он писал тогда о генетике: «Итак, генетика — это изумительная наука ... И вот выяснилось, что для передачи наследственных свойств в ряде случаев существуют простые математические законы. Мало того, эти законы, установленные и изученные первоначально на растениях, оказались справедливыми для разнообразных животных и для самого человека». Этот, по моим тогдашним понятиям, глубокий старик (ему было 65 лет) вдруг прозрел. Точнее, он уже прозрел в 1936 г. на IV сессии ВАСХНИЛ, на которой поносил Н. И. Вавилова, «формальных» генетиков и восхищался теоретическими положениями Лысенко. Как уже отмечалось выше, он был одним из авторов письма против Н. К. Кольцова, опубликованного в «Правде» 11 января 1939 г. На дискуссии 1939 г. Б. А. Келлер «самокритично» осудил свои былые «заблуждения» и курил фимиам Лысенко. Было за него очень стыдно: как мог убеленный сединами крупный ученый так низко пасть! Тут произошел ярко запомнившийся случай. Во время перерыва у выхода из конференц-зала встретились лицом к лицу акад. Б. Ф. Келлер и И. А. Рапопорт, тогда еще совсем молодой ученый, окончивший аспирантуру у Н. К. Кольцова и недавно защитивший кандидатскую диссертацию, но уже известный в научных кругах. Келлер демократично протянул Рапопорту руку, на что Иосиф Абрамович ответил тем, что заложил свою руку за спину. Келлер побагровел, лицо его исказилось, он что-то резкое сказал непочтительному молодому человеку (что именно, я не рассыпалась). Все вокруг ахнули.

Среди ставших под знамена Лысенко был известный животновод В. К. Милованов. О нем я знала только то, что он образованный, знающий человек. Поэтому его заявление, что нет «группы Лысенко», что «с Лысенко — весь народ», воспринималось с недоумением.

Занявшие «третью линию», на мой взгляд, несут основную вину за то, что впоследствии произошло в биологии. Психология соглашательства требует особого исследования. Во все времена черные силы могли брать верх только потому, что существовали соглашатели. Как и в 1936 г., «брать пошел на брата»: Михаил Михайлович Завадовский твердо отстаивал положения классической генетики, хромосомную теорию наследственности, в то время как его брат, Борис Михайлович, делал глубокие реверансы в сторону Лысенко, заявляя, что, пожалуй, «на 95—96 %» он за Лысенко и примерно «на 5 %» за менделизм-морганизм. Бедный Борис Ми-

хайлович, после сессии 1948 г. эти 5% ему дорого обошлись: он был причислен к закоренелым менделистам-морганистам со всеми вытекающими из этого последствиями. Но самое тяжелое впечатление произвело выступление проф. И. М. Полякова из Харьковского университета. Это был известный эволюционист-дарвинист, прекрасно понимающий значение достижений классической генетики для обоснования положений дарвинизма и для сельскохозяйственной практики. А тут он выступил с речью, полной льстивых слов в адрес Лысенко: защищал «новаторство» в его работах и обрушился на «формальных» генетиков за их «метафизические ошибки». Правда, он отметил необходимость использования всего ценного, что содержится в хромосомной теории наследственности, но его речь воспринималась всеми генетиками как неожиданный удар в спину. Тон выступления Полякова был недопустимый. Он вещал и поучал: «...Жебрак вместо того, чтобы заняться критическим пересмотром ряда положений генетики... занимался рассуждениями „о диалектике и наоборот“... Н. И. Вавилов рассказывал нам разные хорошие вещи о достижениях мировой науки... Но этого рассказа было мало... Нужно было по каждому пункту ... дать серьезный критический анализ, не следовало вам работать перед зарубежной наукой... Вы можете двигать науку вперед, а вы не занимаетесь этим в должной мере». И далее: «...когда начинают искать у Мичурина и Лысенко ламаркизм... то это кажется мне просто постыдной уловкой. Почему? Потому что искать здесь ламаркизм могут только люди, которые сами стоят на позициях автогенеза». Во время сессии 1948 г. он выступит примерно в том же духе, но его будут грубо прерывать Лысенко и компания. А затем член-корреспондент АН УССР будет каяться, каяться, каяться... Очень хорошо об этом сказал Евтушенко:

Вы, которые каетесь,
гнетесь ниже травы,
до чего опускаетесь,
 унижаетесь вы.

Все еще перемелется,
будут лучшие дни.

Времена переменятся,
да они ли одни?

Вы немало помаёитесь
от презренья молвы
и еще вы покаитесь
в том, что каялись вы.

Ну, а как вели себя, как выступали философы? Лет 10 тому назад на отдыхе я познакомилась с одной молодой женщиной — научным работником. Выяснилось, что она работает в Институте философии под руководством М. Б. Митина. Разговор перешел на генетику, на давно минувшие дни, и она сказала, что Митин гордился тем, что боролся против Лысенко. Вот так так! Когда же это Митин боролся против Лысенко? У меня осталось очень тяжелое впечатление от его заключительного слова на дискуссии 1939 г. А затем на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. было выступление, полное елея в адрес Лысенко, и были статьи в широкой печати, громящие менделистов-морганистов. Когда же он успел проявить себя как борец против лысенковщины и записать это себе в актив? Мне все стало ясно после внимательного прочтения его заключительного слова «За передовую советскую науку», напечатанного в журнале «Под знаменем марксизма» (1939, № 10). Как уже упоминалось выше, генетики на этой дискуссии ждали справедливого судейства, а его по существу не было. Ведь все генетики, а их было большинство, выступали логично, убедительно, приводили данные обширных исследований, имеющих не только теоретическое, но и огромное практическое значение. Лысенковцы ничего не могли этому противопоставить. Они в основном бралились, а их главный «теоретик» И. И. Презент нес такую ахинею, что даже философы не выдержали. Презент еще не стал *persona grata*, его звездный час еще не пробил, его еще можно было критиковать, и философы не преминули это сделать. Хотя Сталин благоволил к Лысенко, но окончательно ничего не было сказано. Возможно, не было бы 1948 г., если бы все истинные ученые, не только биологи, но и физики, и математики, и химики, и те же философы дали решительный отпор самозванцу, ничего общего не имеющему с наукой. Подумать только, в 1939 г. Лысенко избирается действительным членом АН СССР. Если бы у академиков хватило гражданского мужества, его кандидатуру могли бы забаллотировать. Но мужество появилось только к 1965 г., когда постановлением президиума АН СССР была создана комиссия для проверки деятельности научно-экспериментальной базы «Горки Ленинские», вотчины Лысенко. В эту комиссию вошли не только биологи, но и ученые других специальностей. К сожалению, это произошло много лет спустя, когда советской науке, сельскому хозяйству страны был нанесен тяжелый удар, от которого и биология, и сельское хозяйство еще долго будут приходить в себя.

Но вернемся к выступлениям философов на дискуссии и к суммированной их точке зрения речи М. Б. Митина. Председательствовавший философ Юдин подавал реплики, задавал

вопросы, а в некоторых случаях, как это было с А. С. Серебровским, учинял допрос. В заключение он произнес краткую речь. Из философов, помимо Митина, выступили Э. Колман и Б. Бархаш. Общий обзор с комментариями, отражавшими мнение философов, был сделан В. Колбановским и напечатан в журнале «Под знаменем марксизма» (1939, № 11). Намеренно начну с того, что во всех выступлениях прозвучала критика в адрес лысенковцев, а выступления многих генетиков, особенно молодых, заслужили похвалу. Парадоксально то, что, положительно оценивая накопленный генетиками фактический материал, который полностью опровергает основные положения Лысенко, и критикуя сторонников Лысенко за «односторонность», в итоге делается вывод о полном неблагополучии в «теоретическом хозяйстве»... классической генетики! Для наглядности приведу выдержки из обзора Колбановского и из речи Митина, в частности, те уничтожающие замечания, которые были высказаны относительно Презента. Вот некоторые оценки, данные в «Общем обзоре». О Шлыкове, сотруднике Всесоюзного института растениеводства, который выступал еще на дискуссии 1936 г., нападая на генетику и особенно агрессивно на Н. И. Вавилова, а затем писал донос на Николая Ивановича: «Выступление Шлыкова не свидетельствует о глубоком понимании им существа спорных вопросов, а также задач, стоящих перед совещанием в смысле консолидации сил, работающих в области генетики и селекции». О Черноярове: «К сожалению, проф. Чернояров, один из цитологов, разделяющих взгляды Лысенко, не обосновал конкретно тех новых цитологических данных и нового понимания наследственности, которые заставили его отвергнуть хромосомную теорию наследственности». О Беленьком, соотруднике Всесоюзного института животноводства, который неоднократно нападал на А. С. Серебровского и с пеной у рта отрицал какую-либо пользу применения законов классической генетики в животноводстве: «...тов. Беленький, однако, не дал оценки фактов положительной работы, проделанной Глембоцким, Кирпичниковым...». А вот о генетиках. О Кривичникове: «Работая в течение 7 лет в 10 рыбосовхозах по генетике и селекции рыб, тов. Кривичников располагает огромным материалом, подтверждающим хромосомную теорию наследственности и основные правила расщепления признаков по Менделию». О Карпченко, блестящем генетике растений с мировым именем, который, как и Н. И. Вавилов, будет репрессирован в 1940 г. и погибнет в заключении: «С содержательной речью выступил Г. Д. Карпченко. ...Тов. Карпченко считает, что в пользу монодоминантного наследования были представлены достаточно убедительные данные т. Керкисом, Кирпичниковым, Глембоцким и др... На примере со скрещиванием томатов, а также на работах Мёвеса по водорослям тов. Карпченко показывает, что монодоминантное расщепление выступает не как статистическая закономерность, а как реальное биологическое явление (выделено мною. — Э. М.).» Этот комментарий тем более любопытен, что философ Колман, специализировавшийся в области физико-математических наук, расценивал расщепление 3:1 как чисто статистическую (!) закономерность, ее отражающую определенного биологического явления.

Теперь о Презенте. До сих пор помню, как все во мне клокотало от негодования, когда он изрекал. Но, может быть, это только эмоции? Вот невзлюбила его в 1936 г. и все тут. Реакция на выступление Презента была резко отрицательной не только у генетиков, но и у философов, и это — примечательный факт. Это отражало истинное положение дел. Хотя Лысенко имел высочайшего покровителя и постоянно шел от одной вершины к другой, его положение все же было достаточно устойчиво. В 1939 г. в «верхах» еще не могли решиться на такой шаг, как в 1948 г. Для этого требовалась большая подготовительная работа. Еще не был убран с арены Николай Иванович Вавилов, который пользовался огромным авторитетом во всем мире. Не было, по-видимому, в окружении «высочайшего» и единого мнения о самом Лысенко. Однако я здесь отклоняюсь от своей задачи — рассказать о событиях тех лет, как они мне запечатились. Комpetентный анализ того периода — за историками науки.

Теперь становится понятной позиция, занятая философами. Ведь они не относились к тем, кто мог сказать: «Платон мне друг, но истина дороже». Лысенко трогать нельзя. Презент же — никто, а позволяет себе не по чину: жонглирует всякими философскими категориями, занимается «цитатологией». Вот кого можно подвергнуть уничтожающей критике как для пользы самого Лысенко — вывести «крупного ученого» из-под дурного влияния пустого и вредного краснобая. И мнение философов было единым. Не откажу себе в удовольствии процитировать критические замечания, сделанные Митиным в адрес лысенковцев, главным образом, в адрес Презента: «Поднимая так высоко роль и значение работ акад. Лысенко, положительно оценивая практические и теоретические результаты его направления, мы отнюдь не отказываемся и не можем отказаться от критики отдельных ошибок и односторонностей данного направления, от критики тех или иных отдельных лиц, двигающихся или плывущих в фарватере данного направления... Вот здесь выступал тов. Презент. Это выступление произвело очень плохое впечатление... На совещании был поднят очень серьезный и важный вопрос относительно программы для девятилетки по дарвинизму... Это же безобразие, когда наших школьников, начиная с 9-го класса, должны обучать по Презенту, давать дарвинизм от Дарвина до — Презента... Тов. Презент, очевидно, рассудил по следующему правилу: жди пока тебя потомство

оценит и возведет в классики, нельзя ли себя поскорее возвести в классики. У вас, тов. Презент, появилось такое зазнайство, которое вышло за рамки терпимого... Далее, нам, философам, режет слух, когда тов. Презент, говоря о тех или иных практических и теоретических работах Лысенко, начинает нанизывать разного рода категории без проникновения в существо биологического материала. Это пахнет схоластикой... Я думаю, что теоретические работы тов. Лысенко значительно выигрывают в научном отношении, если не будет этого словоблудия» (Под знаменем марксизма. 1939. № 10. С. 156).

После этих слов Лысенко взвился. Он выкрикнул: «Для того, чтобы бить работы, надо бить Презента?» Митин поспешил заверить Лысенко, что недооценивать его работы не было и в помыслах и быть не могло. «Мы говорим, тов. Лысенко, не о Ваших работах, их высокую оценку как в смысле практическом, так и теоретическом Вы слышали, но мы говорим относительно ненужного, схоластического, чисто внешнего навертывания философских категорий на конкретный материал вместо серьезной попытки этот конкретный материал осмыслить, как это часто имеет место у Презента...»

Я привела здесь длинные выдержки из речи Митина, относящиеся к критике Презента, «теоретической» опоры Лысенко, для того, чтобы стала ясней несуразность выводов философов, суммированных в речи Митина. В самом начале своего выступления он сказал: «То, что было здесь у нас на нашем совещании, со всей непосредственностью свидетельствует, что в области генетико-селекционных вопросов идет борьба между передовым и консервативным (выделено Митиным) направлением в науке, идет борьба между живым, действующим течением и отсталым течением, придерживающимся устарелых догм и мешающим двигаться нашей практике вперед. Мы здесь видели передовое течение в науке, мы видели передовых людей науки и видели людей отсталых, видели многих чиновников, жрецов от науки, видели людей, которые самодовольно замкнулись в скорлупу монополистов от науки».

И в эту категорию «чиновников, жрецов от науки» попадает Н. И. Вавилов, который, прожив неполных 56 лет (из них два с половиной года в тюрьме), совершил настоящий подвиг: ботаник, селекционер, генетик, географ, организатор наук, создатель не имевшей себе равных мировой коллекции растений, в поисках которых он проникал, часто рискуя жизнью, в самые отдаленные уголки пяти континентов; ученый, который поднял авторитет науки на небывалую высоту, который не щадил себя, девиз которого был «наша жизнь коротка, надо спешить» и который в награду был распят. Тогда, на дискуссии, Николай Иванович мужественно сражался за науку, которой он отдал всего себя. Он не допускал и мысли о компромиссе, хотя ясно понимал, как зыбка почва под его ногами. Через несколько месяцев, во время своей последней экспедиции в Западную Украину, он будет арестован и место директора Института генетики АН СССР займет Т. Д. Лысенко.

Заключение философов укладывалось в стереотипную формулу: есть передовое течение в науке, олицетворяемое Т. Д. Лысенко; есть старое, отжившее, утратившее связь с практикой течение в лице Н. И. Вавилова, А. С. Серебровского и ряда других «формальных» генетиков и цитологов; однако и у передовиков есть отдельные, но легко устранимые ошибки. Этим передовикам следует взять на вооружение все то полезное и ценное, что имеется у старой, отжившей науки. Замечательная формула — удобная, гибкая, плавная. В неэкстремальных условиях она оставляет все в неопределенном состоянии. Стоит только временем измениться, и акценты будут расставлены иначе. Тот же Митин, который на совещании 1939 г. заявлял, что не допустит махаевского* отношения к генетикам, и который видел «национальное зерно» в их работах, в 1948 г. будет со всей убежденностью и пафосом громить менделизм-морганизм и возносить лысенковщину, получившую название мичуринской биологии. Обидно за Мичурина. Он к этому шабашу не имел никакого отношения. Это был великий труженик, увлеченно работавший в области садоводства. Он все делал своими руками и на свои собственные скучные средства. Его по существу открыл Вавилов и сделал все, чтобы ему помочь, и настаивал на том, чтобы Мичурин опубликовал итоги своих многолетних работ. Вавилов же и написал предисловие к первому изданию трудов Мичурина. «Ученики» Мичурина сумели загубить весь тот колossalный рабочий фонд гибридов, который Мичурин создавал в течение 60 лет тяжелого труда. При жизни Мичурина Лысенко с ним никак не общался, хотя ничто ему сделать это не мешало. Мичурин умер в 1935 г. И после смерти замечательный садовод провозглашается основателем нового «передового» течения в науке — мичуринской биологии.

Итак, философами была найдена удобная формула. Фарисейство. Фарисеи. Они не идут на костер за свои убеждения. Они уживаются со всеми правителями, они всегда идут в ногу

* «Махаевщина» — течение, проповедовавшее враждебное отношение к интеллигенции. Свое название получило по фамилии Махайского, который считал, что интеллигенция является паразитическим классом. Печатный орган махаевцев «Умственный рабочий» начал выходить в 1898 г.

со временем, громят тех, кого в данный момент следует громить, занимают почетные места, умирают в своей постели, а в центральной печати появляются приличествующие некрологи, которые всегда начинаются словами: «Советская наука понесла тяжелую утрату. На 86-м году жизни скончался...»

Вызывает недоумение оценка роли философов и, в частности, Митина в дискуссии 1939 г., данная Н. П. Дубининым в своей автобиографии «Вечное движение» (изд. 2-е, 1975 г., с. 224). Он пишет: «Дискуссия преградила дорогу притязаниям Т. Д. Лысенко, направленным на уничтожение генетики. Оговорки и реверансы в его сторону не меняют дела. Т. Д. Лысенко поднял руку на всю генетику, однако она повисла в воздухе...» И далее: «...я думаю, что М. Б. Митин и его коллеги сделали большое дело, ибо результаты разгрома генетики в 1939 году имели бы гораздо более серьезные последствия, чем объявление генетики лжен наукой в 1948 году... Во всяком случае я, лично, слушая речь М. Б. Митина на дискуссии 1939 года, почувствовал локоть друга». Спорить о личных чувствах бесполезно. Но кому-кому, а Дубинину следовало бы трезво оценить положение. Генетики шли на дискуссию во всеоружии, они докладывали о больших, реальных практических достижениях, и их было большинство. У Лысенко кроме громких фраз и браны за душой ничего не было. Если бы суд был праведным, то была бы дана та оценка, которую ждали генетики. В том-то и дело, что не поиск истины руководил судьями, а боязнь как бы не попасть впросак. Им нужен был сигнал сверху, а сигнала не подавали. Следовательно, в 1939 г. генетике не грозило уничтожение, и не Митин отвел беду. А вот беспринципность философов, провозглашение ими лысенковщины передовым направлением в науке дало возможность Лысенко и компании набирать силы.

Как уже было сказано выше, генетики тяжело переживали итоги дискуссии. Они наивно думали, что восторжествует правда. Этого не произошло. Хотя никаких оргвыводов не последовало, но напряжение нарастало. Генетики вернулись в свои лаборатории, на свои кафедры. Учебные программы остались практически теми же, тематика научных работ, казалось, существенно не изменилась. Однако это не совсем так. Лысенко уже был президентом ВАСХНИЛ. После ареста Вавилова он стал директором Института генетики. Естественно, тематика работ в этом институте резко изменилась. Некоторые научные сотрудники, получившие хорошее генетическое образование, такие как Н. Нуждин, Х. Кушнер, К. Косиков, стали оплотом лысенковских идей. Нуждин, всю жизнь работавший с дрозофилой, продолжал работать с тем же объектом, подтверждая уже лысенковские положения. А Лысенко не уставал повторять, что, мол, я не против хромосом, той же дрозофилы; смотрите, у меня в институте ведутся такие работы.

(Окончание следует)

К. А. МОСКАТОВ*

АВИАЦИЯ И СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Когда, более полувека назад, 27 апреля 1934 г., авиамоторный завод имени М. В. Фрунзе рапортовал правительству об успешном непрерывном 500-часовом испытании первого в СССР мощного 850-сильного отечественного авиамотора марки М-34Р, никто из нас, его конструкторов, и не подозревал, что именно этому мотору предстоит решить судьбу завоевания Северного полюса.

Еще в 30-х гг. XX в. было ясно, что освоение высоких широт невозможно без крыльев. А для них требовались мощные и надежные моторы.

О предстоящей роли мотора М-34Р не знали и будущие первопроходцы Северного полюса — первые Герои Советского Союза М. В. Водопьянов, В. С. Молоков, М. С. Бабушкин и другие летчики, удостоенные этого высокого звания за полеты в тяжелейших условиях при спасении весной 1934 г. более ста челюскинцев после гибели парохода «Челюскин» в Чукотском море. Как известно, эти спасательные полеты производились на серийных самолетах отечественного производства.

* Автор публикуемых воспоминаний — ветеран отечественной авиации, кандидат технических наук, бывший начальник технического отдела Управления полярной авиации Главсевморпути, участник подготовки советской воздушной экспедиции для полета на Северный полюс.